

Виктор БОКОВ: Я ВСЕ ВРЕМЯ РУГАЛ ЗЫКИНУ ЗА ТО, ЧТО ОНА ПЛОХИЕ ПЕСНИ ПОЕТ

Встр. клуб. — 2001
— 28 сент. — с. 11

Едва ль найдешь в России целой человека, который не знал бы песен «На побывку едет молодой моряк», «Оренбургский пуховый платок», «Володенька, Володенька», «Я назову тебя зоренькой»... Их автор — поэт Виктор Боков, действительный член Академии Российской словесности. Сейчас он лежит в больнице. Желаем Виктору Федоровичу скорее поправиться и отметить свое 87-летие дома, в добром здравии и в хорошем расположении духа.

— Расскажите, Виктор Федорович, как вы написали песню «На побывку едет молодой моряк»? И как вы познакомились с Людмилой Зыкиной, которая стала первой исполнительницей этой песни.

— Я шел к министру культуры. Раскрылась дверь, и на пороге оказалась Зыкина — я ее первый раз тогда увидел. Я говорю: «Постойте, вы мне нравитесь». Она сразу заулыбалась во весь рот, а я: «У тебя расщелины между зубов большие, значит, влюбчивая». Она говорит: «То-очно. А вы?..». — «А я сверхвлюбчивый». Потом она меня пригласила на юбилей хора русского радио и телевидения под управлением Кутузова. Я купил на рынке огурцов, редьки, всяких таких фламандских народных овошей и пришел. А там весь хор сидит. Я сел за стол отдельно, с композитором Абрамским, и говорю на весь зал: «Вы ничего не знаете и не видите ничего, кроме пластинок сыра, которые от долгой лежки загнули края, как сыроежки. А ну, говорю, кто любит редьку? Ко мне! Кто любит огурцы? Ко мне!..» Как пошел ко мне весь хор! Все любят полопать. Я всех кормил. А потом запел частушки. Тогда Кутузов начинал встречаться с певицей Катей Семенкиной (потом она стала его женой). Ну, я и вышел на круг с балалайкой и давай петь:

*Я окно себе клеил,
Не хватило клейстера,
Не на шутку полюбила
Главного хормейстера.*

Был такой ор, такой восторг! А Зыкина пела с этим хором, и у нас с ней как-то сразу возникло понимание, что надо работать вместе. Она первая спела сольную песню «Не спалось мне ночью долгой»:

*Не спалось мне ночью долгой
Без тебя, мой дорогой.
Не спала гармонь за Волгой,
Вместе плакала со мной...*

Музыку к этой песне написал слепой композитор Поликарпов, которого я нашел, перевоспитал. Он подражал Дунаевскому, Блантеру, а я приехал к нему в Красноармейск и сказал: надо писать русскую музыку. Найти тебе образец? Щас! И мы пошли в общежитие, там семьсот девушек-ткачих. Заходим: он — с баяном, я... первый парень на деревне. Говорю: ну-кась! Есть тут тамбовские? — Есть! — Есть рязанские? — Есть! — Знаете народные песни? — Знаем! — И они запели:

*А ветер занавесочку
Тихонько шевелит,
А милый под окошечком
С другою говорит...*

И началась у нас с Поликарповым дружба. Первую песню мы с ним написали в народном духе:

*Все зеленые лужайки
Засыпало снежком.
Еще снегом позасыпало
Любовь мою с дружком.*

В это время в Красноармейск приехала экспедиция фольклористов. Они эту песню записали и напечатали в журнале «Советская музыка». Потом мы еще много песен написали с Поликарповым.

— А как вы начали писать песни?

— Я пробовал сочинять, когда учился в Литинституте. Как-то раз идем по Москве с композитором Богословским (не с Никитой, а с Юрием Богословским). И я напел одну свою мелодию. Он схватил меня за руку: «Какая прелесть! Кто это? Григ?». Я говорю: нет, это я в девушку влюбился и пел ей в форточку такую серенаду без слов. Я тогда легко сочинял и легко забывал. Сколько у меня их было! И девок, и мелодий. Я выходил в поле, как на большую сцену Колонного зала, и сочинял музыку, и сочинял стихи, и пел во весь голос. Андрей Платонов, с которым мы дружили, очень любил мое пение. А потом я попал в лагерь и «потерял, растерял я свой голосочек».

— В лагерь?

— Я же сидел несколько лет в Сибири. Пришлось там работать зоотехником и весь день, при 40-градусном морозе, стоять на улице, у весов, и взвешивать свиней. И я застудился. Хотя от голоса что-то осталось все равно.

— Не так давно вы снова стали сочинять музыку к своим песням.

— Как-то я целый день работал за столом, подустал и вышел во двор проветрить голову. Хожу под яблонями, и вдруг у меня пошла песня. Я прямо под окном ее сочинил:

*На заре, на зорюшке
Да во чистом полюшке,
На заре на утренней
Кони клевер ступали...*

А еще раньше, два года назад, лежал в больнице со вторым инфарктом. Сочинял песни и напевал их ночью, под одеялом, чтобы никого не беспокоить, и записывал на диктофончик. И так напел десяток песен. Все их поет Лена Калашникова, и с успехом! А потом я перестал сочинять музыку, а то време-

ни на стихи не остается. Иногда я говорю со сцены: горе заставило меня писать музыку. Потому что все мои композиторы поумирали один за другим. Пономаренко ехал на машине и попал в катастрофу, Аверкин умер от сердца, Женя Кузнецов, с которым мы получили золотую медаль на фестивале 1957 года, тоже умер. Родыгин, мой соавтор, уехал в Израиль... У меня сейчас нет композиторов. Есть какие-то сочинители — сочинят музыку, покажут мне, а я ее бракую.

— Вы — самый музыкальный поэт из всех, кого я знаю.

— Да, я могу распеть любое свое стихотворение. То есть не то, что сочинить музыку, а услышать заложенную в нем внутреннюю мелодию и спеть. Я вообще люблю петь, с самого детства. Это у меня от матери. Она очень хорошо пела. Композитор Абрамский как-то записал наш с ней дуэт на магнитофон: я пел там по-бабьи, и никто не мог подумать, что поет мужчина.

С Абрамским один раз мы поругались насмерть. Он не признавал частушки — говорил, что это не поэзия и не музыка, а семечки. Я бил его пряжкой по лбу, пряжкой по лбу, пряжкой по лбу... Он стал кричать: «Карау-у-ул! Поэт убивает композитора!». Был час ночи. Рядом с нами Сиверское озеро и город Кириллов... А через два года он стал читать в консерватории лекции о частушке. И рассказывал студентам все, что узнал от меня. Значит, мои уроки пошли ему на пользу.

— А с Зыкиной как у вас складывалось?

— Я создал ансамбль частушки. В аккомпаниаторы мне дали молодого парня — Сашу Аверкина, баяниста. Мы жили в подмосковном санатории, где, между прочим, директором была мать Маленкова. К нам девки приезжали отовсюду частушки петь, Сашка им аккомпанировал. Я как-то и говорю: Саш, ты такой музыкальный, я тебе стихи напишу, а ты попробуй напиши музыку. Дал ему стихи, а наутро он уже играет на баяне и поет песню. Позже я написал стихи «На побывку едет молодой моряк», Сашка сочинил к ним музыку, и Зыкина эту песню запела... Потом они сошлись с Зыкиной как муж и жена. А песня полетела! Сразу стала очень популярной.

Мы дружили с Зыкиной. Однажды я привел ее в компанию, где были

Евтушенко, Ваншенкин, Винокуров. Тогда они гремели, читали стихи на стадионах. Зыкина обалдела от такой компании! А поэты повскакали, когда ее увидели: она была очень красивая женщина... Но ни с кем из них не завела шашни. У нее был баянист.

— Аверкин?

— Это уже после Аверкина... Аверкин — рязанский, из русско-мордовского села Аштырка. Там уже и музей его открыли, каждый год проводятся фестивали, посвященные ему. Зыкина туда ездит. А я пока ни разу не был, потому что пережил два инфаркта, и меня не пускают никуда мои домашние.

— А песню «Оренбургский пуховый платок» вы как написали?

— Так я же организовывал вместе с Яковом Хохловым Оренбургский народный хор. А секретарем обкома партии тогда был Воронов, который потом стал председателем Совета Министров РСФСР. Он стал мне говорить, что было бы хорошо написать песню об оренбургском платке, потому что, выражаясь его словами, местные поэты, «говнюки» (говнюки возьмешь в кавычки) песню написать не умели. Как-то я оказался на рынке, а там торгуют оренбургскими платками. Стоят триста степных казачек, и каждая держит в руках пуховый платок... Такое зрелище! Стихийный праздник. Я купил платок для матери и поехал с ним на почту. Пока оформлял посылку, пока заколачивал молотком ящик с платком, сложились стихи. И я с той же почты послал матери платок, а Пономаренке — стихи. Он написал на них музыку и приехал ко мне работать над песней.

— И вы с Пономаренко показали новую песню Людмиле Зыкиной?

— Да. И она сразу взяла эту песню. Ее стали передавать по радио в исполнении Зыкиной каждое утро, как гимн. Песня стала символом Оренбурга. Несколько лет назад у меня в гостях был Черномырдин, поздравлял меня с 80-летием. (А он же родом из Оренбургского края, казак). Он встал и говорит: «Вас любят миллионы. Вас есть за что любить. Когда я слушаю «Оренбургский пуховый платок», я вспоминаю мать. Нас у матери было пять человек детей, и мы росли без отца. Она вязала платки и продавала их на базаре, а мы помогали ей собирать шерсть, крутить, мыть... Так что эта ваша песня — моя судьба. У меня слезы из глаз каплются, когда я слушаю эту песню...». Вот тут он стоял и говорил все это. А вот тут сидел Заверюха, а на этом месте — Аверкин. Мы играли на гармошке и пели песни и частушки.

— А правда, что вы даже Зыкину учили петь?

— Я не то, чтобы учил. Я ее ругал, ругал все время за то, что она плохие песни пела. Говорю: Русланова этого себе не позволяла. Зыкина мне: «Ну, Русланова всего-то десять песен спела!» А я: так лучше десять песен спеть, но бессмертных, чем сто таких, которые нельзя петь... Я хотел, чтобы у нее был отборный репертуар.

— Вы много частушек знаете?

— Больше, чем любой народный хор.

*Щелды-елды, две щелалды
И еще щелды-елды,
Пил бы, ел бы, щел хотел бы,
Не работал б никогда.*

Кинорежиссер Володя Венгеров сказал: «Лучше Бокова никто частушки не поет!». Он меня снял в трех своих фильмах. Пригласил как-то вместе

со мной Бориса Чиркова. Тот приехал и чё-то: тыр-мыр, тыр-мыр... пытается спеть частушки, а не получается.

— На балалайке вы с детства играете?

— Да, мне купили ее в 12 лет, еще во времена нэпа. Я приехал с родителями в Загорск, то есть в Сергиев Посад, за двадцать километров от нашей деревни Язвицы. Зашли в магазин, я увидел балалайку и стал и просить у родителей: купите! До слез себя довел. И отец купил. Она стоила тогда 4 рубля 75 копеек. И так я стал на ней играть! Все девки были мои. От любой гармонии я их уводил. У меня музыкальный слух был развит. Я все колена соловьиные высвистывал, и соловьи слетались со всех сторон, принимали меня за своего. Все певчие птички меня любят. И я их.

— А если у поэта слабый музыкальный слух, может ли он быть хорошим поэтом?

— Нет, тут нужен стопроцентный слух. Что у нас когда-то, после войны, пели? «Перекуем мечи на орала». Можно это петь? Перекуем-м-мечи на-орала... Это не поется. Но это пелось. Бред собачий, а не песня. Пушкин сказал, что поэзия должна быть глуповата. Не то чтобы глупая, а — глуповата. Наивна. Она не должна страшить людей заумью, не должна быть рассудочной. Это для поэзии — гибель, а для песни — особенно.

*Ах вы, сени мои, сени,
Сени новые мои,
Сени новые, кленовые,
Решетчатые.*
Что это такое? А великая песня.

Встречалась
Нина КРАСНОВА